

Къ Дурнову.

Довольно любилъ я, чтобъ вѣчно грустить,
 Для счастья же мало любилъ;
 Но полно, что пользы мнѣ душу открыть?
 Зачѣмъ я не то, что я былъ!
 Въ вечернее время, въ часъ перваго сна,
 Какъ блещетъ туманъ среди долинъ,
 На мѣстѣ, гдѣ прежде бывала она,
 Брожу безпокоенъ одинъ.
 Тогда ты глаза и лицо примѣчай,
 Движенья спѣши понимать,
 И если тебѣ удалось... то ступай!
 Я больше не могъ бы сказать. —

А р ф а.

I.

Когда зеленый дѣрнъ мой скроетъ прахъ,
 Когда, простясь съ недолгимъ бытіемъ,
 Я буду только звукъ въ твоихъ устахъ,
 Лишь тѣнь въ воображеніи твоёмъ,
 Когда друзья младые на пирахъ
 Меня не станутъ поминать виномъ —
 Тогда возьми простую арфу ты:
 Она была мой другъ и другъ мечты.

II.

Повѣсь ее въ дому противъ окна,
 Чтобъ вѣтеръ осени игралъ надъ ней,
 И чтобъ ему отвѣтила она
 Хоть отголоскомъ пѣсенъ прошлыхъ дней.
 Но не проснется звонкая струна
 Подъ бѣлоснѣжною рукой твоей,
 Затѣмъ, что тотъ, кто пѣлъ твою любовь,
 Ужъ будетъ спать, чтобъ не проснуться вновь.

На темной скалѣ, надъ шумящимъ Днѣп-
 Растетъ деревцо молодое. [ромъ
 Деревцо мое вѣтеръ ни ночью, ни днемъ
 Не можетъ оставить въ покое;
 И, листъ обрывая, ломаетъ и гнетъ,
 Но съ берега въ волны никакъ не сорветъ.
 Таковъ несчастливецъ, гонимый судьбой:
 Хоть взяты желанья могилой,
 Онъ долженъ влечить, одинокъ подъ луной,
 Обломки сей жизни остылой;
 Онъ долженъ надежды свои пережить —
 Съ любовію въ сердцѣ, бояться любить!

И ж е н я.

I.

Не знаю, обмануть ли былъ я,
 Осмѣянь тобой или нѣтъ,
 Но клянуся, что самъ полюбилъ я
 И остался отъ этого слѣдъ.
 Заклинаю тебя всѣмъ небеснымъ
 И всѣмъ, что не сбудется вновь,
 И счастьемъ мнѣ неизвѣстнымъ, —
 О, прости мнѣ мою ты любовь!

II.

Ты не вѣришь словамъ безъ искусства;
 Но современемъ эти листы
 Тебѣ объяснятъ мои чувства
 И то, что отвергнула ты.
 И глубокого вздохнешь, можешь статься,
 Со слезою на ясныхъ очахъ,
 Ты о томъ, кто не будетъ нуждаться
 Ни въ печали чужой, ни въ слезахъ.

III.

И міръ не увидитъ холодной
 Ни желанье, ни грусть, ни мечты
 Души молодой и свободной
 Съ тѣхъ поръ, какъ не видишь ихъ ты.
 Но если-бы я возвратился
 Ко днямъ позабытыхъ тревогъ,
 Вновь также страдать я бъ рѣшился
 И любить бы иначе не могъ.

Баллада.

Въ избушкѣ позднею порою
 Славянка юная сидитъ.
 Вдали багровою полосою
 На небѣ зарево горитъ...
 И, люльку дѣтскую качая,
 Поетъ славянка молодая:
 «Не плачь, не плачь! Иль сердцемъ чуешь,
 Дитя, ты близкую бѣду?...
 О, полно! рано ты тоскуешь:
 Я отъ тебя не отойду;
 Скорѣ мужа я утрачу.
 Дитя, не плачь — и я заплачу!

Отецъ твой сталъ за честь и Бога
 Въ ряду бойцовъ противъ татаръ;
 Крoвавый слѣдъ — ему дорога,
 Его болятъ блестящія, какъ жаръ.
 Взгляни, тамъ зарево краснѣетъ:
 То битва смерти сѣмя сѣетъ.

Какъ рада я, что ты не въ силахъ
 Понять опасности своей!
 Не плачутъ дѣти на могилахъ, —
 Имъ чуждъ и стыдъ, и страхъ цѣпей;
 Ихъ жребій зависти достоинъ...»
 Вдругъ шумъ — и въ двери входитъ воинъ.

Брада въ крови, избиты латы.
 «Свершилось!» — восклицаетъ онъ, —
 «Свершилось!... Торжествуй, проклятый!
 Нашъ милый край порабощенъ.
 Татаръ мечи не удержали, —
 Орда взяла, и наши пали.»

И онъ упалъ — и умираетъ
 Кровавою смертію бойца.
 Жена ребенка поднимаетъ
 Надъ блѣдной головой отца:
 «Смотри, какъ умираютъ люди,
 И метить учишь у женской груди!»